

Ничего подобного тому, что онъ видѣлъ на сценѣ, никогда ему не видѣлось во снѣ. Такъ играть, какъ князь, войти прямо въ душу того лица котораго изображаешь, преобразить его совсѣмъ въ другого человѣка, заставить зрителей вообразить себѣ, что видѣнное—сама жизнь, дѣятельность, и забыть, что это игра актера,—да вѣдь это совершенство, вѣдь это высшее достоинство артиста! Только такимъ путемъ и можно знакомить зрителей съ жизнью, съ людьми, трогать сердца, облагораживать души. Зритель, видящій на сценѣ образы живыхъ людей, такихъ, каковы они на самомъ дѣлѣ, лучше затвердить въ своей душѣ, глубже сохранить въ своей памяти картины истинныхъ, неподдѣльныхъ страданій, бѣдствій, горестей и радостей людскихъ, и теплѣе полюбить человѣка, и добрѣе, мягче отнесется къ каждому ближнему.

Такого рода мысли навѣяны были ему игрой князя. Но вдругъ онъ вспомнилъ, чему его учили актеры. Они требовали соблюденія правилъ, эффекта, криковъ и тому подобного. А между тѣмъ, вѣдь князь обошелся безъ всякихъ ихъ правилъ: его игра была такъ проста и естественна, какъ сама правда. Какъ же быть теперь Щепкину? Играть, какъ князь—значить поступать противъ правила; играть, какъ актеры—значить не изображать жизнь и людей и не трогать души, а забавлять зрителей силой голоса, ловкостью манеръ и вычурныхъ движеній. Ему начинается казаться, что князь просто отуманилъ его голову, опуталъ его мысли, словно опоилъ его крѣпкимъ виномъ и навелъ его на ложное увлеченіе